
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 141:[321.01+271.22-12](470+571)(094)

Прослеживается эволюция религиозно-идеологических взглядов отечественных мыслителей XIX–XX вв. в поиске истинного смысла историософской концепции «Москва - Третий Рим» как ориентира для развития русской государственности; раскрываются религиозно-мессианские, мистические и эсхатологические аспекты идеологии «Москва - Третий Рим» и «Святая Русь» для обоснования русской имперской идеи, заключающейся во всемирно-историческом призвании России - объединении славянского мира в православную империю, способную противостоять западной цивилизации.

Ключевые слова: концепция «Москва - Третий Рим», мифологема, Российская империя, историософия, русская имперская идея, мессианская идея, христианская духовность, православная вера.

Е. В. Скребец, профессор, д-р полит. наук

*Севастопольский государственный университет
E-mail: L_skrebec@mail.ru*

И. А. Галяс, доцент, канд. филос. наук

*Севастопольский государственный университет
E-mail: Korol_Irina9@mail.ru*

Я. В. Матвеева, ассистент

*Севастопольский государственный университет
E-mail: matveyeva.yanina@mail.ru*

КОНЦЕПЦИЯ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИМПЕРСКОГО ДИСКУРСА

Актуальность темы определяется возросшим интересом современных отечественных исследователей к поиску нового транслисторического мессианского смысла средневековой историософской концепции «Москва – Третий Рим» как ресурса для обоснования геополитических намерений современной России и укрепления ее статуса как большого государства в динамично меняющемся глобальном мире.

Цель статьи: проанализировать религиозно-идеологические воззрения отечественных мыслителей XIX –XX вв. в поиске достижения идеальной органической территориальной формы существования России как наднационального государства, базирующегося на сверхэтническом пространстве, этнокультурном разнообразии и православно-славянской идеологии имперостроительства.

Процесс архаизации, который начался после распада Советского Союза, и свертывания пространства России к рубежам периода Московского Царства вызвал необходимость оформления геополитической идентичности новых государственных образований на постсоветских территориях и привел к актуализации испытанных на протяжении столетий идеологием. Популярность словосочетания «Москва – Третий Рим», который встречается в названиях трудов современных российских исследователей, таких как А. Малер, А. Неклесса, А. Панарин, Н. Синицина и многих других, свидетельствует об актуальности этого образа в посткоммунистической России [9;12;14;17]. Отечественные мыслители активно обращаются к данной концепции для обоснования геополитических намерений современной России, укрепления ее статуса большого государства и в поисках возможностей консолидации нации в современных условиях.

Основы мифологемы Третьего Рима, которые используются в новейших версиях русской имперской идеи, были изложены в посланиях старца Филофея Псковского (1462-1542) Василию III и

дьяку Пскова Мисюрю Мунехину. В соответствии с самой распространенной версией, критикуя искажение православия, которое состоялось после падения его бывших центров – Рима и Константинополя вследствие отступничества от православной веры, Филофей называет единственным носителем истинной веры Русское царство. Подчеркивая величие власти русского государя, Филофей призывает его, как преемника власти византийского Василевса, возглавить миссионерскую деятельность по обращению в христианство других народов.

Согласно идеологии современных отечественных неоконсерваторов, идея исторического преемничества империи от Первого и Второго Рима, выявила необходимость государственной централизации и укрепления политического могущества России, превратилась в элемент концептуального наследия периода Российской империи и способствовала формированию основ имперской идеологии, без которой было немыслимо развитие самой империи.

Историософская концепция «Москва – Третий Рим» впоследствии послужила основой для создания патриархом Никоном теории «вселенского государства», модель наднационального объединения которой была использована властью Российской империи в более поздние периоды. Из историософской концепции со временем была сформирована идеологическая система, в соответствии с которой начиная с XVI в. трактовалась политическая история России. «Предимперские» идеи, которые содержатся в трудах митрополита Иллариона и концепции Филофея о Москве как о Третьем Риме, заложили мировоззренческую основу определения России как единственного оплота истинного христианства в мире, возможностей воссоздания источников ее могущества в разных исторических условиях и оправдали в глазах русских «имперцев» русскую территориальную экспансию «до конца мира». Концепция возрождения величия Византийской империи в Русском государстве, возникшая в XVI в., стала осуществлять влияние на международно-политические доктрины Русской империи, ее традиции были возрождены в XIX – начале XX вв. и продолжают существовать сейчас в форме элементов политических программ и теоретических исследований российских ученых.

Религиозно-идеологические основы русской имперской идеи были сформированы в середине XIX – нач. XX вв. с распространением идеи достижения земного величия Русского государства как православной империи и обоснованием ее неограниченного территориального расширения. Об универсально-общечеловеческом измерении русской государственности, в частности, писали Ф. Достоевский, Вл. Соловьев, К. Леонтьев. Православные мыслители развивали концепцию имперостроительства и духовной экспансии как единственно возможный спасительный русский путь – идея, которая позже трансформировалась в идею имперского расширения православного государства к вселенским размерам. Преемственность от византийских императоров, как считает Н. Бердяев, послужила основой «укрепления воли к могуществу» [5, с. 50]. Русская «воля к сверхчеловеческому величию», «дух русского православия», по мнению философа-богослова Г. Федотова, проявились в империи [22, с. 420]. Г. Федотов писал, что от погибшей Византии Москва унаследовала вселенскую идею, которая превратила Россию в православную вселенную [21, с. 446]. Концепция «Москва – Третий Рим», предусматривая вселенскую миссию России, которая хранит Православие и расширяет его границы, способствовала формированию идеологии создания обширной империи для решения русским народом религиозной задачи – возобновления на Земле образа Троицы. В современной концепции «Москва – Третий Рим» обоснована идея универсальной православной империи, которая базируется на сверхэтническом пространстве и этнокультурном разнообразии.

Одной из основных модификаций, внесенных Россией в имперское мироощущение и имперскую стратегию, современный русский историк С. Лурье считает то, что империя, передвигая внешние границы России, расширяла рубежи потенциального Православия. Автор утверждает, что россияне, таким образом, увеличивали зону его влияния, расширяя зону своего расселения [8]. Территория России стала ограничивать «империю правды», «Святую Русь». С. Лурье отмечает, что идеологемы Москвы как Третьего Рима и Святой Руси связаны между собой: «и в той, и в другой идет речь о царстве истинного благочестия, единственном во всем мире». Однако доктрина Третьего Рима связана с конкретным местом, конкретным государством, а носителем ее может быть кто угодно, то есть каждый, кто примет Православие и Русское подданство, а идеологема Святой Руси носит более выраженную этническую расцветку, ее локализацию С. Лурье называет «скользящей» – то град Китеж, то Беловодье [8]. Поиски подобного Беловодья, побег народа от государства, реально выливались в колонизацию новых земель, и, таким образом, конфликт разных интерпретаций единственной культурной темы оборачивался негласным сотрудничеством народа и государства в создании Православной Империи [8].

Идея Третьего Рима, согласно исследованию парадигмы, определяла векторы территориального развития Русской империи, а православно-славянская идеология имперостроительства обеспечивала

динамику территориальной экспансии. Суровая централизация присоединяемых пространств, в свою очередь, обосновывалась духовными заданиями, чем объясняется гипертрофия русского государства, тоталитарные черты ее политических режимов. А. Митрофанов, поддерживая общепринятую версию, считает, что концепция Третьего Рима «на век определила государственную и национальную политику Московского государства» [11, с. 230]. Универсальная роль России, по его мнению, заключается в исполнении пророчеств Святого писания, и именно политическая доктрина Третьего Рима «позволила государственной власти России и народа распространить свое влияние и свою землю на одну шестую часть света, тогда как образованный Запад, наследуя Западную Римскую империю и церковный институт папства, только и делал что дробился на крошечные «передовые государства»» [11, с. 234].

Геополитическая преемственность между Вторым и Третьим Римом, согласно положению современных версий русской имперской идеи, став одним из основных источников национальной идеи периода Русской империи, была закреплена в конкретных политических формулах. Имперские черты русской государственности – ее неограниченная территориальная экспансия, государственное могущество «любой ценой» оправдывается в свете концепции Третьего Рима, которая регламентирует укрепление положения Православия и численности православных в мире. Известный русский историософ А. Малер, исследуя проблему сакральности Империи, описывает феномен «*Translatio Imperii*», теорию преемственности имперской миссии, которая объясняет ход мировой истории периодическими перевоплощениями той же империи. Основанием этой теории автор называет авраамическую историософию о «четыре царствах», латинскую теорию о Вечном Риме и христианской идее Катехона («удерживающего») [9, с. 130]. Принятая Россией, согласно концепции Третьего Рима, катехоничная государственность, по мнению А. Малера, – «это вовсе не идеал, это лишь нормальное, нормативное состояние общества, это не попытка построить на земле Рай, а попытка не допустить на земле ад, «аномию»» [10, с. 4]. А. Малер объясняет крах Византийской империи именно ошибочной целью ее внешней политики: сохранением ее территории Православия, которая осталась, вместо расширения по всем направлениям [9, с. 133].

Описывая процесс создания этой идеологии, А. Малер в своей книге «Духовная миссия Третьего Рима», отмечает, что геополитические масштабы единственно независимой православной страны сделали Россию Третьим Римом в сознании всей православной ойкумены [9, с. 136]. Автор утверждает, что из православного клерикализма логично может вытекать оправдание русского империализма и даже русского национализма, но только в исключительно христианском смысле. Современные русские неоклерикалы, как и неовизантисты, идеологию которых исследует А. Малер, кроме принципиального наставления на миссионерскую экспансию Церкви, предлагают многочисленные проекты русской мессианской экспансии.

А. Малер пришел к выводу: как геополитическая основа православной цивилизации Россия должна развернуть свое влияние по всей планете, и уж по меньшей мере – в пространстве всей Северной Евразии. Сверхцелью этого влияния, по его убеждению, является интеграция всего православного мира вокруг России, формирования единого православно-политического блока. А. Малер считает этот проект абсолютно реальным, потому что «Россия несет в православном мире столичные функции, а ее геополитический вес многократно превышает возможности всех остальных стран восточно-христианского мира вместе взятых. Россия действительно или будет большой сверхдержавой, или ее не будет вообще, поэтому вопрос о возобновлении естественных исторических границ Русской Империи остается в силе» [10, с. 4]. Новой идеологией России, как считает И. Друзь, не может быть вульгарный русский национализм, секулярный по своей сути. Он приведет россиян к гибели и как христиан, и как народа. Возрожденная идея Третьего Рима, которая владеет всемирной универсальностью, и соответствующая геополитика – вот путь спасения [6, с. 240].

Достижение идеальной органической территориальной государственной формы России и духовных ее основ, согласно современным версиям сторонников концепции Третьего Рима, возможно только в империи. Православное сознание, как утверждает А. Окара, воспринимает православную Империю не просто как одну из форм социальной самоорганизации или духовного союза людей, но как бастион в борьбе с антихристом и мировым злом [13]. Однако, в современных условиях апостасии традиционного общества и необратимого кризиса монархической формы правления и монархического правосознания, в идеальном случае «катехон» является «совокупностью православных государств (или государств с подавляющим большинством православного и условно-православного населения, исторически существующих в стереотипах восточно-христианской культуры и идеологии – православная поствизантийская ойкумена, «Византийское Содружество

Наций», восточноевропейская цивилизация), которая должна удерживать «современный остальной мир» от торжества антихриста вплоть до Второго Пришествия». Без православной империи, согласно его идеям, православию принципиально не удастся воплотить идеал «симфонии» светской и духовной власти. На данный момент именно Россия, считает А. Окара, из всех стран восточно-христианской Ойкумены по разнообразным причинам ближе всех к православному геополитическому идеалу (поэтому ориентация на «православную геополитику» не может соединяться с русофобией и москвофобией), однако «православная геополитика» вовсе не тождественна с понятием «геополитика России» [13].

Имперская идея, таким образом, укрепила в идеологии, которая обеспечивала единство государственного организма, оправдывала новые территориальные приобретения государства, сакрализовала имперскую форму, закрепляя непримиримость с другим статусом России как признаком гибели мира. Концепция Третьего Рима способствовала обеспечению целостности процесса государственного и имперского строительства и, одновременно, отвечала русским религиозным поискам, характеристике всей философской русской мысли как религиозной (что отмечал, например, В. Зеньковский).

Славянофил Ю. Самарин выражал мысль, что именно Православная Церковь на Руси «оплодотворила ту почву, на которой возвысилось государственное строение», именно она обеспечила духовную силу и единство империи [16, с. 530]. Другой представитель славянофильского направления И. Аксаков сформулировал понятие составляющих русского мессианства и русского империализма как его выражения. По его мнению, русское мессианство в своем распространении, кроме рациональных причин, имеет «внутренний двигатель», который обеспечивает «единство народного духа» и является «духовно-органической силой» русской государственности [2, с. 798]. О потенциале русского народа и России как залога ее большого будущего, в поисках имперского величия, писал П. Чаадаев (в «Апологии сумасшедшего»). Один из значительных представителей русской религиозной философии XX в. Н. Бердяев подчеркивал, что для истории русского мессианского сознания историческая идея о Москве как о Третьем Риме имела очень большое значение. Однако Н. Бердяев отмечал и двойственность концепции Третьего Рима, которая оказалась в империалистическом искушении русского мессианского сознания. Как он утверждал, духовный провал этой идеи заключался в том, что Третий Рим «сложился как Московское царство, потом как империя и, наконец, как Третий Интернационал» [4, с. 12-13]. Сходство социалистического мессианизма с ветхозаветным замечали С. Булгаков, Г. Федотов.

Н. Бердяев писал, что идеология Третьего Рима способствовала укреплению и могуществу московского государства, царского самодержавия, но не развитию церкви, не росту духовной жизни [4, с. 13]. Московское Царство, как считал Н. Бердяев, не осуществило мессианскую идею Третьего Рима, но и постпетровская империя не была органичной, следовательно, создала бездну между «полицейским абсолютизмом и священным царством» [5, с. 50]. Н. Бердяев отмечал такие черты русского мессианства как его универсальный и всемирный характер, однако противопоставлял русскую мессианскую идею и имперскую идею как государственный проект. Как писал Н. Бердяев, в русском мессианстве «чистая мессианская идея Царства Божьего, царства правды, была омрачена идеей империалистической, волей к могуществу» [4, с. 222]. Бесчеловечность, жестокость, несправедливость, рабство человека, как считал Н. Бердяев, реализовались в империи, а Третий Рим не «должен быть могучим государством» [5, с. 102]. Образование огромной империи, рост государственного могущества, по его мнению, имели обратной стороной русскую вольницу, выход из государства, физический или духовный. Н. Бердяев пришел к заключению, что православная идея в Русской империи была дополнена, а потом смещена идеей государственной силы, которая оттеснила церковную жизнь на второстепенное место. Этой идеологической динамикой и соответствующими процессами впоследствии были объяснены крах российской, потом советской государственности и постепенное свертывание ее пространства к границам XVI в.

По мнению С. Лурье религиозно-политическим оправданием и могучей идеологической доминантой русского государства, «существующего только за счет постоянного перенапряжения сил, да еще и раздираемого внутренним конфликтом», была наследуемая от Византии идея большого православного царства [8]. Современный историк В. Ачкасов, напротив, считает, что идейная формула «Москва – Третий Рим» породила «цивилизационный изоляционизм», который из церковной и политической идеи превратился в стойкую доминантную характеристику народной культуры [3, с. 26]. По его мнению, в середине XIX в. в знаменитой теократической формуле графа С. Уварова – «Православие. Самодержавие. Народность» были закреплены «основные маркеры русской идентичности», которая имела явную связь с концепцией Третьего Рима [3, с. 32-33]. Современные российские исследователи отмечают, что идеи Третьего Рима неизгладимо отобразились в сознании

русского народа, воплотились в мессианское назначение России и обеспечили дальнейшее воссоздание ее имперских устремлений. Как пишет А. Неклесса, «уваровская триада не что другое, как известная рационализация, а точнее, идеологизация православно-государственного мифа старика Филофея. Тема та же самая – Россия отличается от католическо-протестантской Европы здоровой целостностью своей цивилизации, традиционным сотрудничеством народа и государства в рамках православной системы ценностей» [7, с. 50].

Православие, таким образом, является основой мессианского сознания русской нации, святости и иерархичности русской власти, русского самодержавия и империи как единственного вселенского царства, величие которого связано с его могуществом, исключительным значением его правителя. Россия, согласно трудам сторонников концепции Третьего Рима, способна через духовные черты ее населения, выполнить функцию объединения разных этносов и регионов мирового пространства в единственный специфический тип цивилизации. Формулирование легитимации современных версий возможного «сбора земель» Россией вызывает «употребление средневековой концепции для сохранения духовного ядра русской православной культуры» [12, с. 12].

Во вселенское назначение русского государства верил В. Соловьев; Россию и славянство он считал «новым домом Давидовым в христианском мире». Славянофил А. Хомяков признавал, что «вопрос о России во всех отношениях есть без сомнения единственный истинно-всемирный вопрос нашего времени» [19, с. 258]. Г. Федотов называл Россию «средоточием мира» [21, с. 445]. Идея исторического преемничества империи от Первого и Второго Рима (Византии), следовательно, перенесла Россию на центральное место в миросистеме, превращая в периферию другие территории. Стойкость и прочность внутренних геополитических образов, которые воссоздаются на очередном витке развития русского государства, продолжают определять значение России и в современном мире. А. Митрофанов утверждает, что новое идеологическое возвышение единодержавной власти отвечало новому политическому положению государства, которое объединялось, и заслугой Филофея, по мнению А. Митрофанова, было сведение положения об особенной роли России и ее правителей к высшему идеологическому уровню величия и ответственности за ход событий в мире. Обоснование периодизации мировой истории и значения Москвы как «настоящего и безусловного центра мира» привело автора, в свою очередь, к идее об «особенном, своеобразном пути строительства нового русского государства» [11, с. 226].

М. Чаев доказывает, что идея Третьего Рима возникла как программа для утверждения международного положения страны. Эта теория, согласно М. Чаеву, развивала представление о современном и будущем Московского царства: современное – «Москва – Третий Рим» и «апостольская церковь», а будущее – «все царства православия снидошася в единственное царство нашего государя» [27]. Исходя из истинности единой православной веры, Россия, согласно этой концепции, является единым центром миросистемы как прошлого, так современного, и будущего, ведущим субъектом мировой политики. По мнению русского философа А. Проханова, согласно концепции Филофея центр мира был перенесен в Москву – Третий Рим, и Запад более не чтился «вместилищем истории» [15, с. 52]. Вслед за Флоровским, который считал «наступлением империи» деятельность патриарха Никона, А. Проханов пишет, что в середине XVII ст. при патриархе Никоне Россия собиралась стать огромным государством-монастырем, поскольку мыслила себя местом второго пришествия, и советский проект, соответственно, также был «никоновским проектом» [15, с. 210-211]. Уникальность идеала христианской Империи описывает С. Лурье, по мнению которого, она является содружеством людей, объединенных идеей Православия, что преодолели разделение на языки, этносы, культуры. Важный для византийцев универсализм сочетался у них с изоляционизмом – «представлением об Империи как о центре мира, по отношению к которому другие страны являются не интересной варварской периферией» [8].

Б. Успенский подчеркивает в концепции Третьего Рима двойственность восприятия истории: собственно, исторического (соответствующего представлению о линейном времени, которое объясняет события в причинно-следственном ряду) и космологического (соответствующего циклическому времени, основанному на соотношении событий с определенным первичным состоянием, которое повторяется в последующих событиях) [19, с. 84]. Такое понимание концепции Третьего Рима объясняет воссоздание имперской формы в течение русской истории, православным вариантом «*Translatio Imperii*». Этой точки зрения придерживается В. Цымбурский, который утверждает, что теория «Третьего Рима» какой бы трактовке в прошлом и настоящем не поддавалась, всегда оставалась утверждением абсолютной ценности последнего «царства»-цивилизации, которое замкнуло череду тех, что прошли, и невозобновленных более парадигмальных «царств»-цивилизаций [26, с. 94].

В русской социальной философии XIX-начала XX в. развивался еще один аспект русской имперской идеи – всемирно-историческое призвание России, которое заключается в объединении славянского мира в православную империю, способную противостоять западной цивилизации. Славянофилы, например, воспринимали Восточный вопрос как спор западного Рима и восточного, политическое представительство которого еще в XV в. перешло в Третий Рим – Россию [1, с. 804; 18, с. 72]. Во второй половине XIX – в начале XX вв. представители религиозных и идеалистических течений осваивали версии религиозно-детерминистского происхождения русской государственности, ее имперские версии. Русская имперская идея этого периода – идея будущего, которое предсказывает, отображает мессианское сознание, которое допускает превращение общества в империю. Идея Третьего Рима, которая выступила в качестве религиозной основы имперостроительства, определила формирование проектов достижения согласия православных народов и создания ими Всеславянской православной империи. После краха стольких империй, считает Г. Федотов, мы должны показать миру, что задача империи, то есть наднационального государства – может быть решена – «в форме мирного сотрудничества народов, не под гнетом, а под руководством большой нации» [20, с. 459-460]. Политическим заданием России Г. Федотов считает создание «гибких, но твердых форм этой связи, которая обеспечит каждой народности свободу развития по мере сил и зрелости» [20, с. 460].

Таким образом, Третий Рим – мифологема, которая заложила понимание всемирной истории как борьбы добра и зла – России и стран Запада, – с апокалиптическими нотами. Идеологема «Москва как третий Рим» стала источником духовного противостояния Православной России и западных исповеданий (эту идею развивали И. Киреевский, Ф. Тютчев, А. Хомяков). Современные апологеты идеологии Третьего Рима, такие, как Е. Холмогоров, М. Юрьев, продолжают развивать ее антизападнические позиции и доказывают необходимость проведения Россией изоляционистской политики, своевременность и прогрессивность экономической автаркии [24].

Российская имперская идея XIX – начала XX в. была преимущественно христианским решением имперской темы. Империя, согласно версии российской имперской идеи этого периода, выступает как консенсус, своеобразное приспособление христианства к законам политического мира и форма государственности, связанная с доминантным для русской культуры типом христианской духовности. Империя отвечает пониманию задач православия, прежде всего, как духовной и территориальной экспансии, а также русского наднационального уклада как средства достижения провиденциальной общецивилизационной миссии.

Список литературы

1. Аксаков, И. С. Всемирно-историческое призвание России: в 2 т. / И.С. Аксаков // Сочинения И.С. Аксакова. Славянофильство и западничество. 1860-1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси» / И.С. Аксаков. – [Издание второе]. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1891. – Т. 2. – 1891. – С. 783-799.
2. Аксаков, И. С. Всемирно-историческое призвание России / И.С. Аксаков // Полное собрание сочинений / И. С. Аксаков. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. – Т.2: Славянофилы и западники. 1860-1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». – 1886. – С.797-813.
3. Ачкасов, В. А. Россия и Запад: образ Запада в формировании российской идентичности / В. А. Ачкасов // Эволюция политической и правовой культуры России. Региональные особенности и влияние европейского фактора / [отв. ред. Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова: НовГУ имени Ярослава Мудрого. Ч. 1. Россия-Запад: истоки политической и правовой культуры]. – Великий Новгород, 2006. – С. 25-38.
4. Бердяев, Н. Русская идея / Н. Бердяев. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 286 с.
5. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / [отв. ред. Е. М. Чехарин; сост. М. А. Маслин]. – М.: Наука. 1990. – С. 43-271.
6. Друзь, И. Православие и геополитика / И. Друзь // Москва. – 2010. – № 4. – С. 230-240.
7. Исторические метаморфозы консерватизма / [Дегтярева М. И., Кирьянова И. К., Мартин А. и др.]; отв. ред. П. Ю. Рахшмир; М-во общ. и проф. Образования РФ. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1998. – 247 с.
8. Лурье, С. Община, империя, православие в русской этнической картине мира XV-XVII веков / С. Лурье // Отечественные записки. – 2001. – № 1. – URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2001/1/lur-pr.html>. 55 (дата обращения 1.07.2021)
9. Малер, А. М. Духовная миссия Третьего Рима / А. М. Малер. – М.: Вече, 2005. – 384 с.

10. Малер, А.М. Открытие политического православия / А. Малер // Завтра. – 2007. – № 49. – С. 4.
11. Митрофанов, А. В. Россия перед распадом или вступлением в Евросоюз / А. В. Митрофанов. – М.: Ад Маргинем, 2005. – 312 с.
12. Неклесса, А. И. «Третий Рим» или «третий мир»: глобальные сдвиги и национальная стратегия России / А. И. Неклесса // Восток. – 1995. – № 1. – С. 5-19.
13. Окара, А. В поисках имперской перспективы. Суждено ли Киеву стать новым центром поствизантийской цивилизации? / Андрей Окара // НГ Содружество. – 2000. – N 9 (32). – 25.10. – С. 1. – URL: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/2122103> (дата обращения 1.07.2021)
14. Панарин, А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Избранная социально-философская публицистика / А. С. Панарин. – М.: РАН, 1996. – 154 с.
15. Проханов, А. А. Симфония «Пятой Империи» / А. А. Проханов. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 288 с.
16. Самарин, Ю. Ф. Сочинения: в 12т. / Ю. Ф. Самарин. – М.: Изд. И. Д. Самарина, 1887. – Т.6: Иезуиты и статьи богословско-философского содержания. – 1887. – 562 с.
17. Сеницына, Н. В. Третий Рим: истоки и эволюция средневековой концепции (XV-XVI вв.) / Н. В. Сеницына. – М.: Индрик, 1998. – 414 с.
18. Соловьев, В. С. Византизм и Россия. Сочинения в 2-х т. В.С. Соловьев. – М.: Правда. 1989. – Т. 2. – 1989. – 735 с.
19. Успенский, Б. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – Третий Рим» / Б. Успенский // Избранные труды: в 3-х т. – [2 изд., испр. и перераб.] / Б. Успенский. – М.: Гнозис, 1996. – Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – 1996. – С. 83-123.
20. Федотов, Г. П. Будет ли существовать Россия? / Г.П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / [отв. ред. Е. М. Чехарин; сост. М.А. Маслин]. – М.: Наука, 1990. – С. 450-462.
21. Федотов, Г. П. Национальное и вселенское / Г. П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / [отв. ред. Е. М. Чехарин; сост. М.А. Маслин]. – М.: Наука, 1990. – С. 444-449.
22. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции / Г. П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / [отв. ред. Е. М. Чехарин; сост. М. А. Маслин]. – М.: Наука, 1990. – С. 403-443.
23. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия. VI. Философское пробуждение / Г. В. Флоровский // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / [отв. ред. Е. М. Чехарин; сост. М. А. Маслин]. – М.: Наука, 1990. – С. 272-378.
24. Холмогоров, Е. Третий Рим: очерк происхождения идеологии / Е. Холмогоров // Православно-аналитический сайт «Правая.ги». – 2004. – 23.07. – URL: <http://pravaya.ru/side/584/709.233> (дата обращения 12.07.2021)
25. Хомяков, А.С. Полное собрание сочинений: в 8 т. / А. С. Хомяков. – М.: У нив. тип., 1904. – Т.8. – 1904. – 467 с.
26. Цымбурский, В. Тютчев как геополитик / В. Цымбурский // Общественные науки и современность. – 1995. – № 6. – С. 86-98.
27. Чаев, Н. «Москва – Третий Рим» в политической практике московского правительства XVI в. / Н. Чаев // ИЗ. М. - 1945. - № 17. - С. 3- 23.

Статья поступила в редакцию 25.12.2021

Skrebets, E. V., Galyas, I. A., Matveyeva, Y. V. *The Concept of "Moscow - the third Rome" in the Context of Historical Imperial Discourse*

The article traces the evolution of religious and ideological views of domestic thinkers of the 19th-20th centuries in the search for the true meaning of the historiosophical concept of "Moscow - the Third Rome" as a guideline for the development of Russian statehood. The authors reveal religious-messianic, mystical, eschatological aspects of the ideologeme "Moscow - the Third Rome" and "Holy Russia" to substantiate the Russian imperial idea, which consists in the world-historical vocation of Russia - the unification of the Slavic world into an Orthodox empire capable of resisting Western civilization.

Keywords: concept of "Moscow - the Third Rome", mythologeme, Russian Empire, historiosophy, Russian imperial idea, Messianic idea, Christian spirituality, Orthodox faith..